

10 «Л». Класс повышенной опасности

Артём Никифоров

История класса "Л"

Артём Никифоров

**10 «Л». Класс
повышенной опасности**

«Автор»

2026

Никифоров А.

10 «Л». Класс повышенной опасности / А. Никифоров — «Автор», 2026 — (История класса "Л")

Победа в школьной войне не принесла покоя. Десятый класс встречает Марка, Алису и их хор новым испытанием — Городским турниром, от которого зависит будущее школы. Хуже того: в команду попадают Кирилл, Глеб и Диана — те, кто ещё вчера были врагами. Бывшим противникам придётся научиться доверять друг другу, чтобы пройти через тёмные лабиринты, музыкальные дуэли и бои на деревянных катанах. Но настоящая угроза приходит с другой стороны. Руслан, капитан гимназии «Интеграция», не простил унижения, и его месть может стоить победы. Смогут ли Марк и его друзья объединиться с теми, кого ненавидели? И какой окажется цена у мира, заключённого на пепле войны? Тишина после бури звенит громче выстрелов. И она только начинается.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Десятый класс	6
Глава 2. Турнир	9
Глава 3. Первый этап	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

10 «Л». Класс повышенной опасности

Предисловие

Если бы мне в прошлом году сказали, что «победа» пахнет пылью ремонта и пустотой в груди — я бы, наверное, снова врезал. Не от злости. От непонимания.

Мы отстроили школу. Вернули стенам цвет, а партам — ровные ряды. Мы выиграли. 9«Л» больше не номер, а легенда в узких кругах. Алиса спит у меня на плече, а не звонит в панике в три ночи. У Софии отец дома. Всё, казалось бы, налаживается.

Но я научился кое-чему за этот год. Победа — это не когда враг падает. Это когда он встаёт, отряхивается и говорит: «Неплохо. Теперь играем по-крупному».

Игра по-крупному называется «Городской школьный турнир». Победитель получает всё: финансирование, престиж, неприкосновенность. Проигравшие... растворяются. А наша школа — идеальный кандидат на растворение после всего, что тут творилось.

Поэтому, когда директор, бледный как мел, сказал, что у нас есть один шанс — собрать команду из лучших, — я знал, что будет дальше. Знал, ещё не услышав фамилий.

Кирилл. Глеб. Диана.

Наши призраки. Наши кошмары. Наши личные демоны.

Чтобы спасти место, которое мы едва не разрушили в борьбе друг с другом, нам придётся стать одним целым с теми, кого мы ненавидим.

Новое правило выживания родилось сегодня. Оно пока не имеет текста. Только вкус — медный, как кровь на губах после удара. Вкус союза с дьяволом.

И знаете что? Дьявол, кажется, согласен. Потому что у него свои счёты. А мы... мы стали для него разменной монетой в игре, где ставки выше школьных стен.

Марк,

который уже не верит в простые победы.

(И догадывается, что четвертое правило будет самым болезненным.)

Глава 1. Десятый класс

Десятый класс — это не про то, чтобы бороться. Это про то, чтобы выживать. И выживать тихо. Так, чтобы тебя наконец перестали замечать.

Сентябрьский свет бил в окна, пыль висела в лучах как мелкий золотой песок. Я сидел на своём месте — уже не у окна, а посередине, как велел новый классный руководитель, «для лучшей интеграции». Интеграции с кем? Мы и так были одним целым. 10«Л». Но теперь мы были целым, которое всем мешало.

Смотрю на спину Алисы. Её светло-блондинированные волосы собраны в такой тугий и правильный хвост, что кажется, любая выбившаяся прядь сломает ей шею. Она не оборачивается, не смеётся громко, не строит планов. Она пишет конспект. Аккуратно, с подчёркиваниями. За год её огонь не погас — он ушёл внутрь, превратился в холодную, стальную стержень. Иногда я ловлю её взгляд, и в нём нет прежней дерзости. Только усталая решимость. Мы с ней... мы с ней теперь вместе. По-тихому. Без громких слов. Она звонит мне, когда не может уснуть. Я прихожу, мы молчим, смотрим в окно её комнаты на спящий город. И этого пока достаточно. Как пароль: «Ты не один. И я не одна».

Слева от меня — Ян. Он углубился в философию ещё сильнее. Говорит, что наше прошлогоднее сопротивление было «экзистенциальным бунтом против абсурда школьной иерархии». Теперь он изучает, как работает абсурд изнутри. Пишет какой-то трактат в толстой тетради. Иногда читает отрывки нам вслух. Это стало нашей новой тихой репетицией — слушать Яна. Никаких песен. Только слова.

На первой парте у окна — София. Она всё так же тиха, но теперь это не тишина страха, а тишина сосредоточенности. Её отец дома. Он ходит медленно, говорит тихо, но он живой. И она, кажется, дышит за двоих. Учится так, будто от каждой оценки зависит его жизнь. Иногда после уроков мы заходим к ним пить чай. Александр Петрович молча кивает нам, и в его глазах — благодарность, которую не выразить словами. Мы больше не поём у них дома. Мы просто сидим. И эта тишина — самая громкая из всех наших песен.

Лев... Лев почти перестал носить гитару в школу. Говорит, что «звук умер». Вместо этого он запилил какой-то свой техно-проект в "GarageBand". Говорит, это музыка пустоты. Слушать невозможно, но мы киваем. Потому что понимаем.

Милана... вот с Миланой сложнее. Она вернулась. После того лета, после её выхода из чулана на сторону Кирилла. Она пришла в сентябре, села на своё место и не подняла глаз. Никто не сказал ей ни слова. Ни упрёка, ни привета. Просто... стена. Неприступная, ледяная. Она до сих пор делает для всех расписания, сводки, графики. Но теперь это выглядит не как помощь, а как епитимья. Она отмаливает своё предательство кипами правильно составленных таблиц. И мы позволяем ей это. Потому что иначе сойдём с ума. Потому что её младшая сестра всё ещё учится здесь, в младших классах. Потому что у всех нас есть теперь что терять. И это — самое страшное правило десятого класса.

И Майя. Наша «мать». Она никуда не делась, но её статус изменился. Она больше не королева с ангелами-хранителями. Она — арбитр. Сила, которая сохраняет хрупкий нейтралитет. Её парни, Денис и Артём, теперь не телохранители, а скорее... наблюдатели. Они тихо присутствуют на школьных мероприятиях, на выпускном вечере одиннадцатого (где был Кирилл), на наших редких сборах. Майя не подходит к нам с ласковыми «котятка». Она кивает нам через зал — коротко, почти по-деловому. Её взгляд говорит: «Я вижу вас. Я помню. И я пока держу ту сторону на расстоянии». Она знает какую-то правду о Кирилле, ту самую, из-за которой дрогнула тогда. И эта тайна делает её молчаливую поддержку самой ценной и самой опасной вещью в школе. Она — наш тихий союзник, но мы знаем: если грянет настоящая буря, Майя будет

спасать в первую очередь свою территорию. И это нормально. Мы научились ценить честность, даже если она горькая.

А где-то там, на третьем этаже, по-прежнему обитают они. Кирилл, Глеб, Диана. Мы их видим редко. Они будто стали призраками старой школы. Ходят слухи, что Кирилл готовится к поступлению куда-то за границу, что у него свой бизнес. Глеб — его тень и правая рука. Диана... про Диану слухов почти нет. Она просто исчезла в его мире, как камень, брошенный в чёрную воду.

Мы думали, война закончилась. Мы отстроили стены, закрасили граффити, разошлись по своим углам с ранами. Но оказалось, мир — это не когда нет врага. Мир — это когда враг становится частью пейзажа. Неподвижной, давящей глыбой на горизонте. И ты живёшь, зная, что глыба есть. И стараешься не думать, что однажды она может снова покатиться в твою сторону.

Мой рыже-каштановый ёжик уже отрос после летней стрижки, но я по-прежнему коротко его стригу. Стараюсь выглядеть... нормально. Не вызывающе. Как все. Это новое чувство — желание слиться со стеной, — оно противное, липкое. Но это цена. Цена за то, что мы всё ещё здесь. Вместе.

И вот в такую-то спокойную, вымершую тишину десятого класса, в один ничем не примечательный вторник, и вломился гром. В лице директора и какого-то чужого дяди в дорогом костюме. И всё, что мы так старательно выстраивали — эту хрупкую, тихую жизнь после войны, — разлетелось в щепки одним предложением.

Но это уже другая история. А пока — пока просто десятый класс. Класс повышенной опасности. Потому что самые опасные вещи — не взрывы, а тишина после них. И мы в этой тишине живём.

Самое странное в этой новой жизни — ее предсказуемость. Каждый день — как калька с предыдущего. Я просыпаюсь, слышу, как Глеб ворочается на своей кровати — он спит лицом к стене теперь, всегда. Мы не говорим «доброе утро». Иногда я ловлю его взгляд на себе, когда он думает, что я не вижу. В нем нет ненависти. Есть что-то тяжелее — разочарование. Как будто я не оправдал каких-то его ожиданий. Или, наоборот, оправдал самые плохие. Не знаю. И спрашивать не буду.

В школе у меня появилась новая привычка — считать шаги от раздевалки до кабинета 10«Л». Ровно сорок семь. Раньше я не замечал таких вещей. Раньше я смотрел по сторонам, искал опасность, видел лица. Теперь вижу только пол, собственные кроссовки и эти шаги. Сорок семь. Каждый день.

Наш класс стал другим пространством. Воздух в нем гуще, тяжелее, будто он впитал в себя все несказанные слова за прошлый год. Мы не шумим на переменах. Мы не сбиваемся в кучу у окна. Мы сидим за партами, как приклеенные. Алиса читает. Ян пишет в своей толстой тетради. Лев — в наушниках, лицо пустое. София смотрит в учебник, но я вижу, что она не видит букв. Она просто где-то далеко. Милана... Милана складывает стопочки бумаг, выравнивает их края по линейке. Ее движения точные, механические. Она стала идеальной, бездушной машиной по производству порядка. И этот порядок давит сильнее любого хаоса.

Учителя к нам присмотрелись. Сначала боялись, ждали взрыва. Потом поняли, что взрыва не будет. И начали вести уроки так, будто мы — стеклянные. Говорят тихо, избегают резких движений. Иногда ловлю на себе взгляд классной — в нем жалость. Это, блин, хуже всего. Лучше бы ненавидели.

Единственное, что осталось от прошлого — это совместные чаепития у Софии по пятницам. Мы собираемся в ее гостиной, где пахнет яблочным пирогом и старой мебелью. Ее отец, Александр Петрович, молча разливает чай по кружкам. Его руки слегка дрожат, но лицо спокойное. Он не задает вопросов. Иногда просто говорит: «Спасибо, что пришли». И мы понимаем, что он благодарит не за визит. Он благодарит за то, что мы есть. Что мы — вместе. В

эти минуты тишина между нами не давит. Она становится чем-то общим, теплым, как этот чай. Мы не говорим о школе. Не говорим о Кирилле. Не говорим о будущем. Мы говорим о всякой ерунде — о том, как Лев словил новый семпл, о том, какую дичь Ян вычитал у какого-то античного философа, о том, как Алиса пыталась испечь блинчики и спалила пол-кухни. Она улыбается, рассказывая это. И это — редкая, хрупкая улыбка, которая стоит больше всех наших прошлых побед.

После чая мы идем по темным улицам. По двое. Алиса и я — вместе. Мы идем молча, но ее рука иногда находит мою. Не для поцелуев. Просто — держится. Как якорь. Как подтверждение: ты здесь, я здесь, мы есть.

Однажды мы встретили Майю. Не в школе, а в парке. Она сидела на скамейке одна, куталась в длинное пальто, смотрела на замерзший пруд. Увидев нас, не улыбнулась. Кивнула. Мы кивнули в ответ. Прошли мимо. Ни слова. Но в этом молчаливом обмене кивками был целый диалог. «Живы?» — «Пока да». «Они?» — «Тихо». «Держитесь». — «Пытаемся».

Иногда мне кажется, что мы все медленно превращаемся в призраков этой школы. В тихие тени, которые бродят по коридорам, не оставляя следов. Нас боятся не потому, что мы опасные, а потому, что мы — напоминание. Напоминание о том, что может случиться, если выйти за рамки. Мы — живой урок для остальных. Смотрите, дети, вот что бывает с бунтарями. Их не наказывают. Их просто... оставляют в покое. И это покое медленно съедает их изнутри.

Я даже подумывал завести дневник, как какой-то несчастный подросток из плохой книжки. Но что писать? «Сегодня снова сорок семь шагов. Чай у Софии был вкусный. Алиса улыбнулась один раз». Героическая хроника, блин.

Единственное, что по-настоящему бесит — это мои волосы. Этот рыже-каштановый беспорядок, который никак не хочет лежать ровно. Мама вчера снова ткнула в меня расческой: «Стричься пора, Марк, ты как дикарь». А я в ответ промычал что-то невнятное. Пусть торчит. Это мой личный протест. Маленький, смешной, никем не замеченный. Протест против этой идеальной, вылизанной, мертвой тишины.

Мы думали, что выжили в войне. А оказалось, мы просто пережили ее, чтобы попасть в плен. В плен к этой тихой, безопасной, удушающей нормальности. И самое страшное — ты начинаешь ценить этот плен. Потому что на свободе — только боль и риск все потерять.

Но в глубине души, там, куда даже до себя самого страшно заглядывать, я знаю: это затишье — обман. Так не бывает. Тишина перед бурей всегда звенит. И наша тишина уже начала звенеть. Сначала едва слышно. Потом все громче. А потом в нее ворвался громкий, чужой голос, объявивший о начале новой игры.

Но до этого грома надо было еще дожить. Один день за другим. Сорок семь шагов. Глоток чая у Софии. Холодная рука Алисы в моей. И тишина. Всепоглощающая, исправительная тишина.

Глава 2. Турнир

Всё случилось во вторник.

Обычный, серый, ничем не примечательный вторник. Мы сидели на алгебре, учительница выводила на доске формулы, похожие на забор с колючей проволокой. Алиса писала конспект — аккуратно, с подчёркиваниями, как всегда теперь. Ян клевал носом, прикрывшись философским трактатом. София смотрела в окно на мокрые листья. Лев в наушниках тупил в телефон. Тишина. Покой. Летаргия.

А потом дверь распахнулась.

Не просто открылась — распахнулась с таким грохотом, что стекло в верхней филёнке жалобно звякнуло. На пороге стояла завуч, Татьяна Викторовна. Лицо белое, как лист бумаги. За ней — наш директор, Игорь Семёнович, который мял в руках папку и выглядел так, будто его ведут на расстрел.

Учительница алгебры замерла с мелом в руке.

— Игорь Семёнович? Что случилось?

Директор открыл рот, но не издал ни звука. За него ответила завуч:

— У нас проблема. Ко всем классам. Срочное объявление.

Она прошла к учительскому столу, что-то шепнула алгебраистке. Та кивнула и быстро вышла, даже не взглянув на нас. Мы переглянулись. Я почувствовал, как Алиса напряглась рядом. Лев снял наушники.

— Уважаемые учащиеся, — голос завуча звучал непривычно — без обычной строгости, с какой-то надломленной торжественностью. — Сегодня получено распоряжение из Департамента образования. Наша школа включена в состав участников Городского школьного турнира.

Тишина. Мы ждали продолжения.

— Турнир проводится впервые, — завуч говорила так, будто зачитывала приговор. — Участвуют двадцать школ. Победитель получает полное финансирование на следующий учебный год, грант на развитие и... статус лучшей школы округа.

Она замолчала. Директор за её спиной смотрел в пол.

— А проигравшие? — спросил кто-то с задних парт.

Завуч перевела дыхание.

— Проигравшие получают сокращение финансирования. Наша школа — в группе риска. Если мы не покажем результат... — она запнулась, — через год нас могут объединить с соседней школой. А нашего 10«Л»... просто не станет.

В классе повисла такая тишина, что я слышал, как за окном капли срываются с веток.

— Но есть шанс, — голос завуча стал твёрже. — Турнир состоит из четырёх этапов. Каждый этап — испытание. Какое именно — неизвестно до последнего момента. Организаторы держат задания в секрете. Никто не знает, что будет: интеллектуальный конкурс, физическая полоса, творческое задание, что-то ещё. Задания меняются каждый раз, и подготовиться к ним невозможно. Проверяется не знания — проверяется способность действовать в незнакомой ситуации. Всё, что мы знаем — этапов четыре, и победитель определяется по сумме баллов.

Она обвела нас взглядом.

— Каждая школа выставляет команду из десяти лучших учеников. Состав уже утверждён.

Она развернула лист, который держала в руках, и начала читать:

— Капитан команды — Кирилл Громов, 11«А».

У меня внутри всё оборвалось. Я посмотрел на Алису. Она сидела, не двигаясь, только пальцы побелели, сжимая ручку.

— Глеб Власов, 11«А». Диана Ковалёва, 10 «Л». Марк Власов, 10«Л». Алиса Морозова, 10«Л». Ян Тенишев, 10«Л». Лев Некрасов, 10«Л». София Григорьева, 10«Л». Милана Соболева, 10«Л». Майя Петровская, 10«Л».

Она подняла глаза от листа.

— Десять человек. Пять с одного этажа, пять с другого. Это требование организаторов — команда должна быть сборной, из разных параллелей. Надеюсь, вы найдёте общий язык. Ради школы.

Она сложила бумагу, положила на стол.

— Первый этап через десять дней. Где и что будет — неизвестно. Ждите указаний.

И вышла. Директор потоптался на пороге, вздохнул и тоже исчез.

В классе стояла такая тишина, что я слышал, как шуршат листья за окном.

Учительница алгебры так и не вернулась. Мы сидели, переваривая услышанное. Кто-то выругался вполголоса. Кто-то спросил: «Это что, серьёзно?» Но все смотрели на лист бумаги, который остался лежать на столе. Десять имён. Наша судьба, напечатанная на принтере.

Я не помню, как закончился урок. Помню только, как Алиса вцепилась в мою руку под партой, и её пальцы были ледяными.

После звонка мы не вышли в коридор. Мы остались. Все наши — Ян, Лев, София, Милана. И ещё те, кто не был в списке, но смотрел на нас как на приговорённых.

— Он специально это сделал, — сказал Лев, сжимая кулаки. — Кирилл капитан. Это его рук дело.

— Нет, — возразил Ян, поправляя очки. — Это не Кирилл. Это организаторы. Им нужны сильные ученики. Кирилл — сильный. Логика железная.

— Логика? — Алиса встала, и я увидел, как она дрожит. — Какая логика в том, чтобы заставить нас работать с человеком, который... который...

Она не договорила. Не надо было договаривать.

— А если мы откажемся? — тихо спросила София. — Скажем, что не будем участвовать?

— Тогда школу закроют, — ответила Милана, и голос её звучал пусто, механически. — Я уже посчитала. Если мы не войдём хотя бы в тройку призёров, финансирование сократят. Через год нас объединят с другой школой. Нашего 10«Л» просто... не станет.

Она сказала это так, будто речь шла о строчке в отчёте. Но я видел, как дрогнули её губы.

Мы сидели в полной тишине. В коридоре шумели другие классы, кто-то смеялся, кто-то спорил. А мы сидели и смотрели в одну точку. Война, которую мы выиграли год назад, только что вернулась. И она была страшнее, потому что теперь ставкой была не гордость. Само существование нашей школы. Нашего класса. Нашего убежища.

— Нам нужно поговорить с ними, — сказал я, сам не веря своим словам.

Алиса посмотрела на меня. В её глазах была боль.

— Марк...

— Я знаю. Но если мы не поговорим, они решат всё без нас. Кирилл уже капитан. Если мы просто промолчим, он будет тащить команду туда, куда захочет. А мы будем его пешками. — Я перевёл дыхание. — Лучше встретиться на нашей территории. Не на третьем этаже. Здесь.

— Здесь? — переспросил Лев.

— В кабинете у котельной. Нашем. Пусть приходят, если им нужна эта победа так же, как нам.

Ян хмыкнул, но не возразил. София кивнула. Милана молчала. Алиса сжала мою руку и отпустила.

— Хорошо, — сказала она. — Сегодня. После уроков.

Мы ждали их в кабинете у котельной. Старом убежище, где когда-то репетировали тайком, где нашли флешку с записью, где в последний раз были все вместе перед тем, как всё рухнуло. Сейчас здесь пахло пылью и забытым временем.

Мы расселись кто куда: я на подоконнике, Алиса рядом, Ян у стены с книгой, Лев на стуле верхом, София и Милана на старом диване. Ждали.

Дверь открылась без стука.

Кирилл вошёл первым. В чёрной куртке, с тем же спокойным, отстранённым лицом. За ним — Глеб. Мой брат. Мы не смотрели друг на друга. За ними — Диана. Она остановилась на пороге, оглядела комнату, и в её глазах мелькнуло что-то... не страх. Что-то другое. Сожаление? Или просто усталость.

Кирилл встал в центре, оглядел нас с высоты своего роста.

— Ну? — спросил он. — Собрали совет старейшин? Будете объяснять, почему я не должен быть капитаном?

— Будем, — ответил я, спрыгивая с подоконника. — Но не поэтому. Мы собрались, чтобы понять: мы вообще команда или так, десять человек в одной упряжке, которые будут тянуть в разные стороны, пока школа не рухнет?

Кирилл усмехнулся.

— Пафосно, Марк. Но я согласен. Вопрос не в том, кто капитан. Вопрос в том, готовы ли вы играть по-взрослому.

— Это как? — спросила Алиса, и голос её был твёрже, чем я ожидал.

— Это значит забыть прошлый год, — Кирилл говорил медленно, чеканя слова. — Забыть, кто кому что сделал. Забыть, кто на чьей стороне был. Потому что сейчас у всех нас одна сторона. Школа. И если мы не выиграем, нам просто негде будет учиться. Ни мне, ни вам, ни вашим друзьям, ни младшей сестре Миланы. — Он посмотрел на неё, и Милана отвела взгляд. — Все мы станем никем. В чужой школе, без репутации, без будущего. Это вы называете победой?

Тишина. Я смотрел на Кирилла и пытался понять — он правда так думает или просто говорит нужные слова? Его лицо было непроницаемым.

— Я не буду изображать дружбу, — продолжил он. — Не ждите от меня тёплых объятий. Но я буду делать всё, чтобы выиграть. Потому что это мой последний год. И если я уйду из школы, которая развалилась у меня под ногами, это будет пятно на всю жизнь. Мне это не нужно.

Он обвёл нас взглядом.

— Вопросы? Возражения? Желание высказаться о моральном превосходстве?

Ян открыл рот, но я его опередил.

— Одно условие, — сказал я. Кирилл поднял бровь. — Ты капитан. Это факт. Но решения, которые касаются всех, мы принимаем вместе. Голосованием. Без твоих... без вассальных армий. Просто десять человек.

Кирилл смотрел на меня долго. Потом перевёл взгляд на Глеба. Тот едва заметно кивнул.

— Идёт, — сказал Кирилл. — Но когда будет тупик — решаю я. Иначе мы просто заговорим друг друга до смерти. А время у нас есть? Десять дней. Мы даже не знаем, что нас ждёт. Может, полоса препятствий. Может, дебаты. Может, что-то, чего мы вообще не умеем. Готовиться вслепую — вот это настоящее испытание.

Я посмотрел на Алису. Она кивнула.

— Идёт, — сказал я.

Кирилл развернулся и вышел. Глеб задержался на секунду. Наши глаза встретились. В его взгляде не было ни вражды, ни поддержки. Только то, что я видел там весь последний год — усталая констатация факта. «Мы здесь. И это наша жизнь».

Диана вышла последней. На пороге она остановилась, обернулась. Посмотрела на Софию. Хотела что-то сказать, но не сказала. Только кивнула и исчезла в коридоре.

Мы остались одни. В нашем кабинете, который только что принял врага. Или союзника. Я до сих пор не знал.

— Ну что, — сказал Лев, нарушая тишину. — Мы теперь... одна команда?

— Мы теперь десять человек, которые тянут одну упряжку, — поправил Ян. — Командой это станет, если выиграем.

— А если проиграем? — тихо спросила София.

Никто не ответил.

Я подошёл к окну. Внизу, на школьном дворе, Кирилл, Глеб и Диана пересекали площадку. Они шли втроём, но не вместе — каждый сам по себе. И я вдруг понял, что они так же одиноки в своей победе, как мы — в своём поражении. И что предстоящие дни заставят нас всех стать кем-то новым. Или сломают окончательно.

После того как Кирилл, Глеб и Диана ушли, мы остались в кабинете у котельной. Я уже собирался спросить у Миланы, что она думает о подготовке, когда дверь снова открылась.

На пороге стояла Майя.

Она вошла медленно, как всегда — спокойно, уверенно, с лёгкой полуулыбкой на губах. За её спиной, как тени, маячили Денис и Артём — её неизменные «ангелы-хранители», хотя за последний год они стали скорее просто друзьями, чем телохранителями.

— Котятя, — сказала она, и её голос — тёплый, чуть насмешливый — разлился по комнате, как старый знакомый запах. — А я смотрю, вы тут без меня уже всё решили?

Мы переглянулись. Честно говоря, я про неё забыл. В списке, который зачитывала завуч, была и Майя, но в суматохе, в столкновении с Кириллом, в разговоре с Глебом... она выпала из головы.

— Майя, — Алиса встала, и в её голосе послышалось облегчение. — Ты слышала?

— Всё слышала, солнышко, — Майя прошла в комнату, села на край стола, скрестив руки на груди. — И про турнир, и про команду, и про то, что наш дорогой Кирилл теперь капитан.

Она произнесла его имя так, будто пробовала на вкус что-то кислое.

— И ты согласна? — спросил Ян. — Работать с ним?

Майя посмотрела на него долгим взглядом. В её глазах мелькнуло что-то — тень той самой секунды, когда она дрогнула на третьем этаже год назад. Но тень быстро исчезла.

— Котятя, — сказала она мягко, но в голосе прорезалась сталь. — Я была с вами, когда вы пели свою песню. Я вытащила вас из того чулана, когда всё рухнуло. Я сидела в первом ряду, когда вы вышли на сцену. И сейчас я никуда не денусь.

Она обвела нас взглядом.

— Но давайте договоримся сразу. Я не буду изображать, что простила Кириллу то, что было. И не буду делать вид, что мы одна большая счастливая семья. Я буду с вами. Но на моих условиях.

— Каких? — спросил Лев настороженно.

Майя улыбнулась — той самой улыбкой, от которой у меня в первый год учёбы подкашивались колени.

— Я буду тем, кем всегда была. Вашей матерью. — Она подняла руку, останавливая возражения. — Не в смысле «я главная». А в смысле — если кто-то из наших, — она выделила слово «наших», — попадёт в беду, я буду рядом. Если Кирилл начнёт свои игры, я скажу ему в лицо то, что думаю. Если вы будете рассыпаться, я соберу вас обратно.

Она посмотрела на Алису, потом на меня.

— Команда из десяти человек, где пятеро — те, кто ненавидит друг друга, это не команда. Это бомба замедленного действия. И кто-то должен следить, чтобы она не рванула раньше времени.

— Ты хочешь быть арбитром? — спросила Милана.

— Я хочу быть тем, кто не даст вам перегрызться до первого этапа, — поправила Майя. — А там... там посмотрим.

Она спрыгнула со стола, поправила волосы.

— Кстати, о первом этапе. Я кое-что разузнала.

Все напряглись.

— Организаторы держат задания в секрете, это правда. Но я поговорила с выпускницей, которая участвовала в прошлом году, когда турнир тестировали. Она сказала одно: готовьтесь к тому, что вы не умеете.

— Это как? — спросил Ян.

— А вот так. Если вы умеете петь — вам дадут математическую задачу. Если вы умеете бегать — заставят писать стихи. Если вы умеете спорить — поставят перед физическим препятствием. Турнир не про ваши сильные стороны. Он про то, как вы справляетесь, когда ваше оружие бесполезно.

Она посмотрела на нас с той самой тёплой, но твёрдой материнской заботой.

— Так что готовьтесь не к тому, что вы знаете. Готовьтесь к тому, что вы не знаете ничего. И учитесь доверять друг другу. Потому что в такой ситуации выживают только те, кто умеет просить помощи.

Она кивнула Денису и Артёму, и они вышли. На пороге Майя обернулась.

— И не забывайте, котятка. Я с вами. Что бы ни случилось.

Дверь закрылась.

Мы сидели молча. Её слова повисли в воздухе — тяжёлые, но почему-то... тёплые. Как чай у Софии дома. Как старая песня, которую не поёшь, но помнишь.

— Она права, — сказала Алиса после паузы. — Мы не знаем, что нас ждёт. И наше оружие — песня, споры, даже кулаки — может оказаться бесполезным. Останется только одно.

— Что? — спросил Лев.

— Мы сами, — ответила Алиса. — Десять человек. Которые умеют или не умеют быть вместе. Всё остальное — декорации.

Я посмотрел на неё. В её глазах снова появился тот самый огонь. Не яркий, не пламенный, как раньше. Но — живой. Тлеющий под пеплом. И этого было достаточно.

Вечером я шёл домой один. Алиса задержалась в школе с Миланой — обсуждали, что вообще можно успеть за десять дней, если не знаешь, к чему готовиться. Милана сказала, что единственное, что можно тренировать — это взаимодействие. Как десять человек становятся одним организмом. Как считывают мысли друг друга без слов. Как доверяют.

— Это сложнее, чем выучить формулы, — сказала она, и я с ней согласился.

Я вышел на улицу, и холодный ветер ударил в лицо. Сорок семь шагов до раздевалки. Потом — до выхода. Потом — до дома.

В голове крутилась одна мысль. Мы только что согласились работать с Кириллом. С человеком, который держал Диану в клетке. С человеком, который привёл в школу свою армию. С человеком, из-за которого София чуть не потеряла отца.

Но он был прав. Школа — это наше всё. Единственное место, где мы вместе. Где есть наш класс, наши учителя, наше убежище у котельной, чай у Софии, крыша, на которой можно смотреть на звёзды. Если школа рухнет, мы разлетимся по разным углам. И тогда война, которую мы выиграли, не будет стоить ничего.

Я вошёл в подъезд. Лифт не работал, поплёлся пешком на пятый. Открыл дверь ключом. В прихожей пахло маминым ужином. Из комнаты доносился звук клавиатуры — Глеб печатал.

Я зашёл в нашу комнату. Он сидел за столом, спиной ко мне. Не обернулся.

— Разговор был, — сказал я. — Кирилл согласился на голосование.

— Я знаю, — ответил Глеб, не отрываясь от экрана.

— Ты... ты будешь с нами? По-настоящему?

Он замер. Потом медленно повернулся. В его глазах была та самая усталость, которую я видел в кабинете.

— Я всегда был с вами, Марк. Просто вы не хотели этого видеть.

— Тогда зачем ты был с ним? Всё это время? Зачем ты помогал ему строить его империю? Глеб молчал долго. Так долго, что я уже думал — не ответит. Потом сказал тихо:

— Потому что кто-то должен был его сдерживать. Если бы не я, он бы давно перешёл все границы. Ты думаешь, тот год мог быть хуже? Мог. Намного хуже. Я был рядом, чтобы этого не случилось.

— И Диана? — спросил я, чувствуя, как в груди поднимается злость. — Ты и её сдерживал?

Глеб опустил глаза.

— Диана... это сложнее. Я не могу говорить за неё. Но она сделала свой выбор. Не всё, что выглядит как предательство, им является.

Он отвернулся. Я сел на свою кровать. Слова застряли в горле. Мы снова были в одной комнате, на расстоянии вытянутой руки. И между нами снова была пропасть.

— Ты знаешь, что будет на турнире? — спросил я после паузы.

— Никто не знает, — ответил Глеб. — Организаторы держат всё в секрете. Говорят, испытания будут такими, что подготовиться невозможно. Проверяется не то, что ты знаешь, а то, как ты действуешь, когда не знаешь ничего.

— И как мы к этому готовимся?

— Никак, — Глеб пожал плечами. — Учимся доверять друг другу. Или не учимся. И тогда проигрываем.

Он снова повернулся к ноутбуку. Разговор был окончен.

За окном темнело. Завтра начнётся первый день нашей новой жизни. Команды, которой никто не хотел быть. Или — единственной, которая могла нас спасти.

Я закрыл глаза и в темноте услышал, как Глеб тихо напевает что-то себе под нос. Не разобрать слов. Но мелодия была странно знакомая. Кажется, та самая детская песенка. Та, что спела Диана в самом начале. Та, с которой всё началось.

Я не спросил, почему он её напевает. Просто слушал. И впервые за долгое время мне показалось, что мой брат где-то рядом. Не как враг. Не как союзник. Просто — рядом.

А через девять дней начнётся турнир. Мы не знали, что нас ждёт. Не знали правил, не знали испытаний, не знали, сможем ли доверять друг другу. Знали только одно: мы — одна команда. Даже если это будет последнее, что мы делаем как 10«Л».

И этого знания должно было хватить.

Глава 3. Первый этап

Нас подняли в шесть утра.

Автобус ждал у школы — старый, жёлтый, с облезшей краской и запахом бензина, который въелся в сиденья намертво. Мы загружались молча, как солдаты перед неизвестностью. Кирилл сел вперёд, рядом с Глебом. Диана — через проход, у окна. Майя заняла своё место в середине, Денис и Артём устроились сзади, но так, чтобы видеть всех. Мы — я, Алиса, Ян, Лев, София, Милана — расселись в хвосте, как всегда. Своим кругом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.